

Пролог

Декабрь 1240 года

Ранний зимний вечер окутал землю тревожной пеленой. Лишь на короткие мгновения призрачное полукружие луны проблескивало из-за рваных облаков, скупое освещая белые искристые поля. Среди полей темнели хижинки маленького селения, что приютилось на восемьдесят верст к западу от Киева, возле городка Здвижень. В оконце самой большой из хижин мерцал свет, будто слабый маячок посреди бескрайнего снежного моря.

Две женщины, греясь у очага, вели разговор вполголоса, почти шепотом, чтобы не разбудить младенца, беспокойно спавшего в переносной колыбельке. Одна из них, юная и красивая боярыня Ольга, была матерью трехмесячной Даринки. Другая, пятидесятидвухлетняя Елена, приходилась Ольге крестной матерью. Этих знатных и еще совсем недавно благополучных киевлянок занесло в крестьянскую глушь великое бедствие Руси, которое страшным черным крылом ударило и по их судьбам.

В испуганных глазах Ольги застыли слезы. Перед ее мысленным взором все еще метались отсветы далекого пожара, в ушах отдавались дикие крики ордынцев, ржание коней, рев верблюдов, скрип телег. Татаро-монгольские хищники, налетевшие на стольный град русичей, казались Ольге посланцами сатаны, что предвещали конец света.

За несколько часов до осады Киева муж Ольги, боярин Леонтий Колыванович, успел удалить из города жену и крошечную дочь, а вместе с ними — Елену и четверых слуг для

охраны. И Леонтий, и отец Ольги, боярин Прохор, знали от гонца о приближении монголов, но скрыли это от Ольги, чтобы она не отказалась покинуть Киев, а сами решили остаться и защищать столицу вместе с другими воинами. Князь Даниил Романович Галицкий, к землям которого в то время уже был присоединен Киев, поставил в столице своего воеводу Дмитрия, и тот возглавил оборону. Киевляне, зная о жестокой судьбе завоеванных ранее Чернигова и Переяславля, готовились сопротивляться отчаянно, до конца.

Уже когда Ольга с Еленой были за несколько верст от Киева, до них донеслись грозные звуки осады. Монголы под предводительством хана Батыея приступили со стороны Днепра и расставили вокруг города тараны для разбивания стен.

Испуганные женщины удалялись от обреченной столицы на юго-запад, чтобы остановиться в одном из сел, принадлежавших боярину Леонтию. К ночи добрались они до этого сельца, а утром хотели двигаться дальше, направляясь во владения Даниила Галицкого, у которого надеялись найти защиту, как велели им Леонтий и Прохор.

Но в дороге Елена заболела, у нее начался сильный жар, и путникам пришлось задержаться в селе. А через день сюда же прибыл раненый киевлянин, чудом спасшийся после невиданного разгрома, который монголы учинили в завоеванном городе. От его рассказа даже маленькая Дарина вздрагивала в своей колыбельке, словно понимала весь ужас происходящего.

Очевидец поведал о том, как монголы день и ночь беспрерывно били в стены, как затем эти стены обрушились и киевляне во главе с воеводой Дмитрием кинулись защищать пролом, как трещали копья и щиты, а свет померк от стрел. Последним оплотом киевлян стала Десятинная церковь, построенная еще при князе Владимире Святом. Но и этот великий храм не смог защитить русичей от бесчисленной дикой орды. Церковь рухнула, погребая под

развалинами тела защитников и нападавших. Батый предал город огню и разорению. Израненного Дмитрия монголы взяли в плен, но хан помиловал воеводу ради его храбрости. Что же случилось с другими уцелевшими защитниками города, рассказчик в точности не знал, но нетрудно было догадаться об их страшной участи: кровавые реки текли по улицам древней столицы. Гибель же боярина Леонтия Колывановича он видел собственными глазами и слышал о том, что Прохор, отец Ольги, вместе с сыном, Ольгиным братом, был в числе тех киевлян, которые пытались спастись на хорах Десятинной церкви и упокоились под ее развалинами.

Так в одночасье Ольга стала и сиротой, и вдовой, и беззащитной беглянкой. Отчаяние билось в ее больших синих глазах, голос дрожал от подступавших слез:

— Такого горя и разорения еще свет не видывал. За что Бог разгневался на нашу землю?.. Я бы уж кинулась в самое пекло, чтобы не жить после этой беды... но дочку жалко.

Крошечная Даринка всхлипывала во сне, словно ей передавались страдания матери. Елена, сдерживая надсадный кашель, чтобы не разбудить девочку, отворачивалась в сторону и прижимала ладони ко рту. Болезнь клокотала у нее в груди, лихорадочным жаром светилась в глазах и красными пятнами горела на щеках. И все-таки умудренная летами женщина пыталась, как могла, утешить свою крестницу. Справившись с приступом кашля, Елена хриплым голосом произнесла:

— Ты еще слишком мало живешь на земле, Ольга, чтобы так говорить. Не надо думать, будто свет не видывал такого горя и разорения. Людям всегда кажется, что их судьба — особенная, не такая, как у всех, что их бедствия — небывалые, не виданные миром. А я тебе напомню мудрые слова: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто,

о чем говорят: “Смотри, вот это новое”, — но это было уже в веках, бывших прежде нас...» Так сказал Экклезиаст.

Ольга всегда почитала ум и познания своей крестной. Елена почти наизусть помнила книги Ветхого и Нового Завета и часто искала в них утешения. В ее роду было несколько служителей церкви; родной дядя Елены одно время возглавлял Черниговскую епархию. А единственный сын Елены, священник, отец Михаил, год назад погиб в Переяславле во время монгольского погрома. Елена родила его в юном возрасте, рано овдовела и больше не выходила замуж, жила при монастыре. Она дружила с Серафимой, матерью Ольги, хотя и была старше подруги на десять лет. Когда Серафима безвременно умерла, Елена стала по-матерински опекать четырнадцатилетнюю Ольгу. Через три года после смерти матери Ольга вышла замуж за боярина Леонтия Колывановича, но по-прежнему не забывала свою крестную.

Сейчас, когда все близкие погибли, а Елену сжигала лихорадка, Ольга чувствовала себя как пловец в бурном море, теряющий последнюю соломинку, за которую пытался ухватиться.

Между тем Елена, превозмогая собственную боль, старалась вдохнуть силы в слабеющую душу Ольги. Протянув руки к огню и зябко передергивая плечами, она смотрела на крестницу и продолжала говорить:

— Ты не одна сейчас в такой горести, многим пришлось и похуже. И многие так же страдали до тебя и будут страдать после... Но при тебе — твое дитя, которое ты должна защитить и вырастить. С Дариной ты не одинока. И у тебя еще осталось имение. Проси защиты у князя Даниила Галицкого или передай свое имение монастырю и сама перейди туда жить с Даринкой. Говорят, монголы не трогают монастырей и редко убивают священников. Хотя вот в Переяславле не пощадили даже епископа... А мой сын, на беду, как раз был там, держал совет с владыкой... — Елена за-

кашлялась, незаметно вытерла слезы и, переведя дыхание, тихо продолжила: — Ищи утешения у мудрых. Помни: все разрушится — и все восстановится, и еще не раз. Экклезиаст проповедовал: «Всему свое время и время всякой вещи под небом... Время любить и время ненавидеть; время войне и время миру... Мудрость делает мудрого сильнее десяти властителей...»

— Не утешат меня эти проповеди, крестная, — прошептала Ольга, склонившись над детской колыбелькой. — Лучше бы Господь вовремя поразил злодеев своим карающим мечом... до того как они... — Плечи юной женщины задрожали от беззвучных рыданий.

И снова Елена ответила ей словами Экклезиаста:

— «Не скоро совершается суд над худыми делами; от этого и не страшится сердце сынов человеческих делать зло».

Ольга повернула к Елене свое заплаканное лицо и медленно покачала головой:

— Нет, это не сыны человеческие. Те, кто напал на нашу землю, — нехристи, посланные сатаной, чтобы погубить Святую Русь. И как бы там ни учил твой проповедник, а не было еще такого бедствия нигде на свете, потому что, видно, это сам конец света и есть.

— О, не говори так, — внезапно окрепшим голосом произнесла Елена. — Это не конец света, а очередное тяжкое испытание. Я уже пережила одно такое, и его принесли православным не язычники-нехристи, а люди, которые воевали под сенью креста.

— Как это?.. Когда ты пережила такое? — У Ольги от удивления даже слезы высохли на глазах. — Почему ты мне раньше не рассказывала?

— Потому что всему свое время, дитя. Раньше не было надобности пугать тебя этим рассказом, а теперь он придаст тебе силы, чтобы ты знала, как все в мире повторяется. Сейчас гибнет наш стольный Киев, а тридцать пять лет

назад я видела, как погибал великий Царьград — самый пышный и богатый город мира.

— Расскажи, крестная... Выпей вот это и расскажи.

Ольга взяла с полки над очагом ковш, наполненный горячим отваром из лечебных трав с медом, и протянула его Елене. Больная жадно выпила, прокашлялась, потом несколько раз глубоко вздохнула и начала свой взволнованный, сбивчивый рассказ:

— Мне было шестнадцать лет, когда родители решили выдать меня замуж за богатого и знатного грека из Константинополя. Я никогда не видела моего будущего мужа, а он не видел меня, я знала о нем лишь то, что его зовут Фока и он старше меня на десять лет. Еще говорили, что он человек набожный и благочестивый. Последнее особенно нравилось моему дяде-епископу, который всегда был главным в нашей семье, где все его слушались. Моего согласия никто не спрашивал. Родители и дядя меня благословили и отправили со сватами, слугами и приданным в Константинополь. По дороге я плакала, но утешала себя мыслью о том, что своим замужеством делаю благое дело для родных и даже для Киева, укрепляя его связи с Царьградом. И, признаться, минутами я даже испытывала гордость, сравнивая себя с княжной Анной Ярославной, которая полтора века назад так же ехала из Киева в далекую страну, чтобы стать женой французского короля. А Константинополь ведь ближе к Киеву, чем Париж, и, стало быть, я смогу навещать родные места, думалось мне. Ни я, ни мои спутники не знали, что в то время, как мы приближались к византийской столице, ее уже начали осаждать войска крестоносцев.

— Это католики, паписты? — уточнила Ольга.

— Да. Они тогда собрались в крестовый поход, четвертый по счету. Будто бы освобождать от мусульман гроб Господень. На самом же деле их предводители думали прежде всего о наживе. Вначале они собирались плыть на венеци-

анских кораблях в Египет, но потом двинулись к Царьграду. Папа давно мечтал покорить православную столицу. Немецкие и французские короли тоже давно положили глаз на ее богатства. А уж алчные венецианские купцы и подавно. У венецианцев был дож — то есть князь — по имени Энрико Дандоло — древний старик, к тому же слепой, но воли и хитрости у него хватило бы на десятерых. Он-то и был главный подстрекатель похода на Константинополь.

— И как ты узнала обо всех этих людях и делах, да еще все так запомнила? — удивилась Ольга.

— Был один человек, который мне поведал многое... но об этом после, — вздохнула Елена. — Да и как было не запомнить, если все это я пережила, словно пропустила через себя... Да, так вот. В Константинополе перед тем император Исаак Ангел был свергнут и брошен в темницу вместе со своим сыном Алексеем. Власть захватил брат Исаака, тоже Алексей. Но сыну Исаака, молодому Алексею, удалось бежать, и он кинулся за помощью к крестоносцам, посулил им огромные деньги, чтобы помогли вернуть трон законным правителям. Так у латинян появился благовидный предлог напасть на Царьград. И вот все их воинство во главе с алчными вожжами двинулось к богатейшему городу мира. Греки почти не строили кораблей, потому что надеялись на своих морских союзников — венецианцев, но те их предали, и теперь суда латинян без препятствий вошли в бухту Золотой Рог. А у греков давно уже не было согласия меж собой: сказывались двадцать лет непрерывных распрей. Да ведь и на Руси мы видим то же самое: княжеские междоусобицы делают страну легкой добычей врага... Ну так вот, греческое войско, хоть и было вдвое больше латинского, не смогло защитить Константинополь. К тому же Алексей Третий, который низложил законного императора, был нелюбим народом. В его войске хорошо воевали только наемные дружины варягов. Не справившись с ратными испытаниями,

Алексей Третий трусливо бежал из Константинополя. Крестоносцы объявили императором Алексеем Четвертым сына Исаака, чтобы он правил вместе с отцом и заплатил латинянам обещанную дань.

Эти события случились в августе, а я оказалась у царьградских стен в начале сентября...

— Значит, ты прибыла туда уже после штурма города? — спросила Ольга, слушающая с напряженным интересом.

— Нет, все ужасы штурма были еще впереди, — вздохнула Елена. — Первый захват города был неполным и не сопровождался разгромом. Крестоносцы ждали, что коронованный ими Алексей соберет и уплатит обещанные деньги. И он старался как мог, даже расплавил драгоценную церковную утварь, но денег все равно не хватало. Греки роптали, в народе кипело недовольство, но Алексей Четвертый думал лишь о том, чтобы угодить латинянам. А они — и особенно хищный Энрико Дандоло — требовали от императора уплаты всей суммы. И тогда Алексей в сопровождении крестоносцев отправился собирать дань во Фракию и другие провинции. А крестоносцы обосновались в предместье византийской столицы, где и решили переждать до весны. Когда я прибыла в Константинополь и узнала, какая беда там приключилась, мною овладел такой страх, что захотелось тут же повернуть обратно. Однако сделать это было невозможно: слуги, что меня сопровождали, ни за что бы не согласились пуститься в обратный путь по земле, где разбойничали латиняне. И так уж было чудом, что нам удалось доплыть до бухты невредимыми. К счастью, в городе нас в тот же день встретили родственники моего жениха и привели меня в его дом. Взглянув на Фоку, я впала в еще большее уныние. Мало того что я очутилась в осажденном городе, так еще и жених мой оказался совсем не таким, как мечталось. Фока был ниже меня ростом, не по годам толст, а голос его звучал визгливо. Может, конечно, он и отличал-

ся благочестием, был богат и знатен, но полюбить его я не могла. Но кто спрашивал меня об этом? Мне ничего не оставалось, как обвенчаться с Фокой. Невеселое это было венчание, хоть и проходило оно в пышной царьградской церкви. А новые мучения для меня начались, когда настала ночь и мне пришлось лечь в постель с моим мужем. Матушка и другие женщины учили меня, что долг жены — честно исполнять свои супружеские повинности. И я, стиснув зубы, терпела близость Фоки. От него пахло чесноком, он сопел и потел, и с великими усилиями сделал меня женщиной. А я ведь до замужества не знала мужчин и думала, что так заведено в природе: мужчина получает удовольствие, а женщина терпит. Днем было легче: днем я учила греческий язык, привыкала к домашнему хозяйству, шила, читала молитвенные книги, ходила в храмы. Последнее мне нравилось больше всего, ведь по дороге в церковь я могла осматривать город, в котором было столько чудес, что и во сне не приснится. Меня обычно сопровождал или сам Фока, или, если он был занят, кто-нибудь из его родственников. Родители Фоки умерли, но с ним проживали его тетки, дядя и вдовая сестра с детьми. Еще у него были брат-монах и сестра-монахиня, они тоже часто к нам приходили. Не могу сказать, что его родственники меня обижали, однако среди них я чувствовала себя неуютно: все вроде бы ко мне присматривались, оценивали. Но это еще можно было терпеть ради того, чтобы они мне показали и рассказали что-то новое. А вот когда наступала ночь и я укладывалась в одну постель с Фокой, начиналось самое для меня мучительное и противное... Но не об этом речь. — Елена тяжело перевела дыхание. — Не об этом я хочу тебе рассказать. Это у каждой женщины случается по-разному и зависит от судьбы... Я ведь даже готова была смириться с немилым Фокой и ждала только появления на свет ребенка, которому могла бы отдать всю свою любовь. Но беременность все

не наступала, и месяца через три-четыре я уже начала тревожиться. Иногда мне чудилось, будто родственники мужа стали на меня косо поглядывать. Впоследствии я поняла, что им было вовсе не до меня; их, как и всех греков, особенно знатных, снедала тревога, ведь латиняне стояли в предместье Константинополя и все чаще совершали набеги на город. Царьградские богатства не давали им покоя. За много веков в византийской столице скопилось такое великолепие, которого во всех городах мира, вместе взятых, найти было невозможно.

— И ты все это видела, крестная? — затаив дыхание, спросила Ольга. — Наверное, там было очень красиво?

— Да, дитя мое! — воскликнула Елена, и глаза ее загорелись уже не только из-за лихорадки, но и от наплыва ярких воспоминаний. — В Константинополе было несколько величественных дворцов с мраморными колоннами, золотые и серебряные ворота, перед которыми стояли искусно отлитые статуи императоров и богов, а также львов и коней. А еще там было огромное императорское игральное поле, называемое ипподромом. На нем проходили состязания колесниц. Вокруг ипподрома было множество ступеней, на которые греки садились, чтобы наблюдать за ристаниями. Императорскую ложу украшала бронзовая колесница с четверкой коней, а вокруг ипподрома располагались статуи людей, медведей, львов и быков. И на городских площадях тоже высились колонны и статуи. Еще в городе были красивые сады и рощи, а среди цветов — водометы, искусно украшенные.

— А разве бедных и убогих домишек там вовсе не было?

— Были, конечно. И улицы там на окраинах были такие узкие и грязные, что страшно ступить. Но в те кварталы мужа я не пускала. Это потом уж, волею случая, мне довелось там побывать... Но об этом — после. А пока расскажу тебе о дивных константинопольских храмах. Чаще всего мы ходили молиться в церковь Богородицы Фаросской — она бы-

ла близко от дома моего мужа. В этой церкви все блистало золотом и серебром, колонны были из яшмы, а пол — из белого мрамора. Еще там было много священных реликвий: куски креста Господня, кровь Его в хрустальном сосуде, венец с колючками из морского тростника. А еще и в этой церкви, и в других были искусно сделанные мозаики, которые так мерцали и переливались, будто изображения на них были живыми и от них исходил Дух Святой. Но сколь ни богаты были византийские церкви, а самой пышной и великолепной среди них была церковь Святой Софии.

— Святая София... как в Киеве, — восторженно воскликнула Ольга.

— Да. Князь Ярослав Мудрый строил Софию Киевскую по образцу царьградской. А царьградскую в давние еще времена построил знаменитый император Юстиниан. Я входила в этот чудный храм — и у меня перехватывало дыхание от его сияющей красоты. И думалось: недаром послы Владимира Святого так пленились красотой греческого храма и обряда, что посоветовали князю выбрать именно православную веру. Один знаменитый грек говорил: «Святая София царит над городом, как корабль над волнами моря». Величие и красота ее купола изумляли снаружи, а уж какое великолепие было внутри! Через сорок окон в храм лился свет, в лучах которого блистали мозаики. А когда солнце заходило, церковь освещалась множеством серебряных паникадил, сделанных в форме деревьев и кораблей. Со всех сторон своды храма поддерживались арками и галереями с порфирными, мраморными и малахитовыми колоннами. Некоторые из этих колонн будто бы исцеляли от какой-нибудь болезни. Самой известной своими целительными свойствами считалась обитая медью колонна святого Георгия. Я видела, как иные мужчины и женщины целуют ее и трутся об нее плечами, грудью и другими частями тела, которые у них болели. Признаюсь, и я, когда стала бояться своего бесплодия, тайком прикасалась к этой колонне животом.

Я ведь тогда была неопытна и не догадывалась, что дело не в моем телесном изъяне, а в мужской слабости Фоки.

Меня воспитывали в строгом благочестии, и я не привыкла отвечать на мужские взгляды; ходила, опуская очи долу, хотя и знала, что красива. Но однажды неподалеку от церкви я почти лицом к лицу столкнулась с одним человеком. Это был красивый стройный юноша лет двадцати, одетый как латинянин. Не знаю, почему меня угораздило посмотреть на него в упор. Может, потому что я почувствовала его взгляд. У него были большие черные глаза, и они словно обожгли меня своим огнем. Я даже на мгновение приостановилась, но Фока тут же потянул меня за собой. А этот юноша усмехнулся и что-то сказал на одном из латинских языков, который я тогда еще не понимала. Мы с Фокой отошли на несколько шагов, когда у меня почему-то вдруг хватило смелости оглянуться на молодого незнакомца. И тогда черноглазый юноша крикнул нам вслед уже по-гречески: «Обидно, что такая красавица досталась этому толстому каплуну!» Я покраснела до корней волос, а Фока, разъярившись, стал что-то кричать, но насмешливый юноша уже исчез в толпе. Всю дорогу до дому мой муж сетовал на наглых латинян, которые хозяйничают в Константинополе, как у себя дома. Я молчала, но в моей душе вдруг заняла какая-то тонкая и печальная струна. Тогда, впервые в жизни, я усомнилась в святости того послушания, к которому приучили меня в родительском доме. Я поняла, что моя женская судьба могла бы сложиться иначе, во сто крат счастливее. Но от меня, увы, ничего не зависело...

Между тем было уже начало января, Святки, однако в городе не чувствовалось праздника. Алексей Четвертый старался угодить крестоносцам, собирал деньги для расплаты с ними. Народ стонал от поборов. А когда Алексей заявил, что собирается подчинить православную церковь Римскому Папе, тут уж восстали монахи и начался всеобщий

народный бунт. Люди огромными толпами собирались на площадях, требовали избрания нового императора. Вот тогда-то по-настоящему встревожилась греческая знать, которая боялась народного бунта не меньше, чем латинян. Помню, как метался в те дни мой Фока, причитая, что патрициям надо успокоить простой люд и непременно возглавить восстание. А в это время Исаак и Алексей обратились за помощью к крестоносцам. О том узнал и рассказал народу императорский советник Алексей Дука по прозвищу Мурчуфл, что означает «со сросшимися бровями». Алексей Четвертый был схвачен и казнен, а старый Исаак умер в тюрьме. Знать объединилась вокруг Мурчуфла и короновала его под именем Алексея Пятого. Фока приходился дальним родственником Мурчуфлу и очень старательно помогал ему стать басилевсом — то есть императором. После воцарения Мурчуфла мой муж, его дядья и брат редко бывали дома: все время пропадали в императорском дворце, держали там совет. Мурчуфл был ярким противником латинян и потребовал, чтобы они немедленно уезжали из Византии в Святую землю. Но те отказались. Была зима, в латинском лагере начинался голод, крестоносцы уже питались одной кониной и были очень злы на греков. Однажды ночью латинский отряд покинул лагерь и отправился за продовольствием. Мурчуфлу об этом донесли, и он решил разбить крестоносцев по частям. Он взял с собой большое войско, ратных командиров, а также советников, среди которых был и мой муж. Фока, заметно похудевший за эти тревожные дни, облачился в доспехи, прикрепил к поясу меч и попрощался со мной. Его голос слегка дрожал, и мне невольно стало жаль моего хоть и не милого, но и не злого супруга. Я его перекрестила и улыбнулась ему на прощание, но предчувствия у меня были самые плохие. Бедный Фока казался совсем никудышным воякой, и я не представляла, что будет с ним, если ему придется вступить в бой.

Но, впрочем, греческое войско намного превосходило числом латинское, да и напасть греки собирались неожиданно, так что Фока и другие советники облачались в доспехи просто для поднятия духа. Мы все верили, что императору и его приближенным даже не придется ступить на поле брани, что противников одолеют передовые отряды греческих воинов. Но, увы, случилось иначе... Латинские ратники доказали, что в ближнем конном бою им нет равных. Греки потерпели поражение, погибли десятки их знатных воинов, а раненый Мурчуфл бежал в Константинополь, под защиту крепостных стен. Мой Фока тоже был ранен, и его привезли в дом чуть живого. В том сражении греки потеряли великую святыню — чудотворную икону Божьей Матери. Это подорвало их боевой дух. Латиняне же, напротив, воодушевились. Весь март они готовились к осаде, а жители Константинополя со страхом наблюдали из-за крепостных стен, как сооружаются осадные орудия: повозки, «кошки» для метания стрел и зажженных факелов, «свиньи» — передвижные башни, в которых осаждающие могли приблизиться к стенам города. Венецианцы прикрывали досками и виноградными лозами свои корабли, чтобы камнеметы не могли разнести их в щепы. Но и греки, конечно, укрепили город изнутри, надстроили над каменными башнями деревянные, прикрыли их прочными шкурами, установили множество камнеметов вдоль стен.

Весь март прошел в тревоге и ужасных волнениях. И нашей семье он принес потерю: Фока, так и не оправившись от ран, тяжело заболел, у него началась лихорадка, и вскоре он отдал Богу душу. На его похоронах я горько плакала, но не потому, что осталась вдовой, — нет, я, грешница, так и не полюбила Фоку. А плакала я от страха, потому что осталась одинокой в чужой стране, в осажденном городе, среди мужниной родни, которой в эти дни не было дела до меня. Будь я тогда смелей и старше, пошла бы, наверное, искать

встречи со своими земляками и постаралась бы вернуться на родину. Я ведь знала, что в предместье у монастыря Святого Маманта останавливаются торговые люди из Руси. Но разве могла я, благочестивая молодая вдова, помышлять о каких-то своевольных поступках? Я тогда боялась шагу ступить из дому — разве что в церковь.

А потом началось самое страшное... До сих пор не могу об этом вспоминать без ужаса. В апреле великий город содрогнулся от невиданного штурма. Латиняне успели засыпать рвы перед крепостными стенами и пошли на приступ. Вначале они атаковали только с кораблей, на которые установили осадные мостки и лестницы. Но греки хорошо подготовились и встретили латинские корабли греческим огнем и градом огромных камней. Первая атака крестоносцев была отбита. Греки ликовали, их победные крики были слышны по всему городу. Мурчуфл приказал трубить в трубы и бить в барабаны. Шум стоял оглушительный. Но, увы, недолго длилась эта радость от победы. Священники-паписты стали подстрекать рыцарей, обещали им отпущение грехов, если те захватят православную столицу. Через два дня латиняне снова пошли на приступ. Они выстроили свои корабли борт к борту и растянули их по заливу вдоль крепостных стен. Встали на якорь и начали стрелять из луков, метать камни, забрасывать на башни горящие факелы. Но башни были защищены от огня шкурами, смоченными водой. Греки сопротивлялись отчаянно. Император Мурчуфл стоял на холме, подбадривал воинов. Он снова приказал бить в барабаны и трубить в трубы. Победа защитников города казалась уже близка, но тут случай помог крестоносцам. Шальной ветер прибил к башне два их корабля, и самые смелые из латинских ратников взобрались на башню и смогли отеснить греков. Тут же и другие корабли подошли к башням, латиняне стали проникать в город. Греки обрушились на них с мечами и секирами,